

[Статья]

Русский язык в русскоязычной диаспоре Японии

КАЗАКЕВИЧ Маргарита

1. Краткая история вопроса

Изучение русского языка в диаспоре началось с двух предположений: первое – язык не может не меняться, попадая под воздействие иного языка и чужой культуры; и второе - вне России, вне своей естественной среды обитания язык, по-видимому, консервируется, застывает: например, язык «первой волны» русской эмиграции должен сохранять черты языка начала 20 века. Было интересно это проверить, однако в России активное изучение языковых процессов в языке эмиграции по понятным политическим причинам задержалось и было начато лишь в 1990-ые годы. Среди первых исследователей необходимо назвать М. Я. Гловинскую, Е. А. Земскую, Н. И. Голубеву-Монаткину. Немного раньше над темой «русский язык в диаспоре» начали работать западные лингвисты - D. Andrews и M. Polinsky (США), H. Pfandle (Австрия), M. Leinonen (Финляндия) и др.

Кроме научного любопытства и появившейся свободы контактов с русскими вне России, ещё одной предпосылкой для начала таких исследований стало нарастание очередной, на тот момент четвёртой, волны русской эмиграции. По данным разных источников, в результате нескольких волн эмиграции русскоязычная диаспора в мире сегодня насчитывает более 25 миллионов человек. Это делает проблему актуальной: изучение языка диаспоры важно и для истории языка, и для понимания новых процессов в нём. В современной российской лингвистике язык диаспоры уже рассматривается как самостоятельный способ бытования русского языка (Караулов Ю.Н.) или же как его подсистема (Грановская М.Л.).

Материалы исследований 1990-х годов были обобщены в многочисленных статьях и двух объёмных коллективных монографиях: «Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты» (отв. редактор Земская Е.А.) и «Русский язык зарубежья» (отв. ред. Красильникова Е.В.). Можно сказать, что в большей или меньшей степени уже описан язык русскоязычных диаспор Франции, Германии, Италии, Голландии, Финляндии, США, Канады, Австралии, Израиля, Китая, Туниса.

Общий вывод, который следует из этих исследований таков: если у человека нет сознательной установки на сохранение родного языка, в условиях жизни в диаспоре неизбежно

происходит постепенное вытеснение ⁽¹⁾ русского языка новым языком постоянного общения . Этот вывод кажется ожидаемым. Но далее интереснее... Между речью эмигрантов одной волны, живущих в разных странах, наблюдается больше общего, чем между речью эмигрантов разных волн, живущих в одной стране. Другими словами, русские эмигранты одной волны в Америке, Китае, Франции или Тунисе начинают делать одинаковые ошибки в родном языке. Следовательно, главной причиной различных видоизменений, которые начинает претерпевать язык человека, долго живущего в диаспоре, является не межъязыковая, а внутриязыковая интерференция. Иначе говоря, не английский, китайский, арабский языки суть главные «виновники» тех или других ошибок в речи эмигранта, а сам русский язык или, точнее, некоторые «слабые точки» его языковой системы.

Две причины определяют такого рода «слабость». Прежде всего, это сложность некоторых участков системы русского языка (например, распределение существительных по классам *Singularia tantum* и *Pluralia tantum*), включая сюда универсально слабые участки. Универсально слабыми они называются потому, что не связаны с конкретной языковой системой, это объективно сложные, нестабильные участки всех языков (порядок слов, управление глаголов, употребление предлогов и др.). Вторая причина - существующие внутренние тенденции развития русского языка, в результате которых одни и те же ошибки, или отклонения от нормы, в большом количестве встречаются и в диаспоре, и в самой России. При этом интересно, что языковые процессы, идущие в диаспоре, на 40-50 лет опережают аналогичные процессы в самой России. Блистательный анализ и разработка типологии ошибок в русском языке диаспоры, сравнение языковых процессов в диаспоре с языковыми процессами в метрополии принадлежат М. Я. Гловинской [Язык русского зарубежья 2001: 42-57].

Наиболее очевидными проявлениями аттриции, то есть деградации, родного языка, принято считать многочисленные лексические заимствования, прекращение развития и пополнения словарного запаса, калькирование, интерференцию на синтаксическом уровне, появление фонетического и интонационного акцента.

В целом языковые процессы в русскоговорящих диаспорах многих стран схожи, однако есть и отличия, связанные как с межъязыковой интерференцией разных пар контактирующих языков, так и с экстралингвистическими факторами. Русскоязычные диаспоры мира различаются особенностями своего социального состава, живут в странах с разной языковой политикой, выбирают неодинаковые стратегии языкового поведения ⁽²⁾.

(1) Вытеснение языка, или его деградация, разрушение, угасание, стирание, аттриция (от англ. термина *first language attrition*) – в российской лингвистике пока не установлен единый общепринятый термин.

(2) Считается, что в диаспоре возможны три типа языкового поведения: ассимилятивный, антиассимилятивный и сознательно-билингвальный/бикультурный (для русского языка впервые было сформулировано Х. Пфандлем).

2. Замысел и метод исследования

А что в Японии? Что происходит с русским языком под влиянием японского языка и культуры? На этот вопрос частично отвечает статья Г. Ю. Никипорец-Такигава «Язык русской диаспоры в Японии» [Никипорец-Такигава 2009: 50-63], в которой дан краткий экскурс в историю русской эмиграции в Японию и сделан первый подход к анализу современной языковой ситуации на материале текстов новостных передач «Радио Японии» и на материале условно-разговорной речи, зафиксированной на интернет-сайтах.

Мне же хотелось бы сделать следующий шаг: исследовать сегодняшнюю языковую ситуацию на материале устной речи (взрослые и «полупоколение») ⁽³⁾ как с учётом уже описанных слабых участков русской языковой системы, которые провоцируют одинаковые ошибки вне зависимости от страны проживания диаспоры, так и с учётом японско-русской межъязыковой интерференции. Хотелось бы подтвердить связь степени сохранности (или, напротив, деградации) русского языка с ценностными ориентирами и стратегиями языкового поведения русскоязычной диаспоры Японии. И ещё один шаг - расширить исследование, изучив состояние русского языка у живущих в Японии детей с русским языковым наследием ⁽⁴⁾ поколения «2.0» и поколения «2.5».

Методом первого исследования (2008 - 2010 годы), которому посвящена эта статья, были устные интервью и подробное анкетирование взрослых русских, живущих в Японии, а кроме того - в дополнение - мониторинг русскоязычных японских сайтов ⁽⁵⁾ и постоянное наблюдение за речью близких, друзей и за своей речью тоже. Главные критерии отбора информантов для интервью и анкетирования: а) проживание в Японии не менее 10 лет, б) постоянное использование японского языка на работе и/или в быту, в) наличие самоощущения «что-то с моим русским языком происходит». Было опрошено 48 носителей русского языка 30-60 лет, в основном - женщины, живущие в Осака, Нагоя, Токио, Тояма. Это случайная выборка, в которую попали люди с разным уровнем образования, разным уровнем владения японским языком и разной историей его изучения. Все беседы записывались на диктофон. Самыми результативными оказались интервью в группах: информанты стимулировали ответы друг друга. Часть заполненных анкет была получена по почте от информантов, которые не смогли приехать на интервью.

Содержание анкеты уточнялось в процессе интервьюирования по мере поступления новой

-
- (3) В другой терминологии - поколение «1.5», то есть дети, приехавшие в Японию до исполнения 18 лет с русскоязычными родителями; поколения «2.0» - дети, родившиеся в Японии в русскоязычной семье или приехавшие сюда в возрасте до 3 лет; поколения «2.5» - дети, родившиеся в Японии в смешанных японско-русских семьях.
 - (4) В английской терминологии - *heritage speakers*.
 - (5) Наблюдение за речью участников форумов на сайтах «Япономама» (в основном жёны японцев, неработающие матери) и «Gaijin Life Forum. Russian community in Japan» (сотрудники японских фирм, а также жёны японцев) стало первой отправной точкой для составления анкеты и программы интервью.

информации, последний вариант включал около 80 вопросов, касающихся не только языка, но также языкового поведения и самосознания, ценностных ориентиров, отношения к билингвальному воспитанию детей. Чтобы учесть различия «языковой истории» информантов при анализе материала, в анкету были включены также и биографические вопросы.

Полученные данные, с моей точки зрения, уже дают основания для некоторых выводов.

3. Лексика. Какие слова заимствуются и почему?

(1) Сортируем карточки со словами

Понятно, что лексика является самой подвижной частью языковой системы, поэтому именно лексика раньше всего попадает под воздействие другого языка. Мне без труда удалось собрать длинные списки японских слов, которые вошли в обиходный язык русских, живущих в Японии. Сортируя эти слова по разным признакам, можно понять логику и функции заимствований.

Прежде всего, легко заметить, что заимствованные японские слова объединяются в **тематические группы**:

- еда, то есть продукты и названия блюд: sa:mon⁽⁶⁾ (←サーモン), mikan (←蜜柑) и др.,
- быт: manshyon (←マンション), apa:to (←アパート), ohashi (←お箸) и др.,
- названия официальных организаций, документов: nyu:kan (←入国管理局), menkyo (←免許) и др.
- работа и учёба, в этой группе можно выделить профессиональные аргот:
 - *жаргон преподавателей*: printo в.м. «копии для студентов», а кроме того названия подразделений университета и др.
 - *студенческий жаргон*: batsu в.м. «неправильный ответ», гу:gakusei в.м. «студент-иностранец» и т.д.
 - жаргон хостесс: «Иногда на waiting'е бывает meeting, который проводит tenchik» (←店長) (возможно, есть и другие профессиональные аргот, пока мне не известные)
- явления природы, животный и растительный мир (jishin в.м. «землетрясение», saru в.м. обезьяна, tsubaki в.м. «камелия»).

Как видим, заимствования происходят именно в жизненно важных для человека сферах. Так, например, русские женщины в Тояма активно используют слово kabi (←カビ), в то время как в других регионах этого заимствования я не встретила (в Осака плесень не так актуальна?). А русские девушки, например, используют определение kakkoii (←かっこいい), говоря о парнях, машинах, спорте – тоже ведь жизненно важные для девушек сферы!

В языке других русских диаспор мира исследователи выделили примерно те же

(6) Заполняя анкету, мои русские информанты писали заимствованные ими японские слова в основном кириллицей. В статье последовательно, кроме слов-гибридов, будет использоваться латиница, так как она точнее передаёт звучание японских заимствований в русском языке.

тематические группы. Однако есть и отличия. Так, в русской диаспоре США очень много заимствований, связанных с автомобилями. В то же время ни в США, ни Европе, по утверждению Е. А. Земской, нет заимствований из мира природы, в Японии же их довольно много.

В качестве следующего шага давайте посмотрим, **почему** всё-таки из множества японских слов в язык диаспоры входят именно эти, а не другие. Продолжаем перебирать карточки...

Сразу в одну группу объединяются собственно заимствования: *ryokan* (←旅館), *shain ryoko*: (←社員旅行), *otera* (←お寺) и т.п., то есть слова, называющие реалии, которых нет в России. Они входят в русский язык легко и естественно.

Вторую группу составляют семантические заимствования: *undo:kai*, *ofuro*, *okashi* и т. п. Конечно, в России и спортивные фестивали проводятся, и в ваннах моются, и сладости любят.. Однако русские слова неточно передают культурное наполнение, ауру аналогичных японских слов. Ещё пример – *genkan*. Как остроумно объяснила моя информантка, «на прихожую не тянет!» Русскоязычные жители Японии заимствуют такого рода слова, когда начинают понимать, что русский эквивалент адекватно не передаёт значение японского слова.

Следующая группа – это слова, имеющие точные переводные эквиваленты в русском языке, однако они относительно нечастотны в русском и высокочастотны в японском языке: *kanji* вместо «иероглиф», *shyo:ga* вм. «имбирь», *ho:renso* вм. «шпинат» и т.д. А кроме того, японское слово *kaki* (柿) вытесняет русское «хурма», а *kaki* (牡蠣) заменяет далёкую от России «устрицу», *ebi* теснит «креветку». Кстати, по данным М. Я. Гловинской, в США английское заимствование «shrimp» тоже почти полностью вытеснило русский эквивалент. Интересно, что бывшие жители приморского Владивостока, где креветки не редкость, не сообщали мне о заимствовании ими японских названий морепродуктов. Таким образом, говоря о частотности как о факторе лексического заимствования, надо иметь в виду не только общезыковую частотность того или иного слова, но и частотность в личном лексиконе.

И наконец, существует группа семантических заимствований, которые обозначают реалии или явления, вошедшие в жизнь здешних русских только в Японии, хотя эти реалии есть и в России. Для меня таким словом является *keitai* вместо «мобильный телефон», для других – *dzeirishi* вм. «аудитор», *fudo:san* вм. «фирма недвижимости», *tranku* вм. «багажник» и другие подобные.

Продолжим сортировать слова, теперь обращая внимание на **части речи**. Большинство заимствованных слов – имена существительные. По мнению исследователей, это связано с тем, что использование существительных подкрепляется зрительно. И с этим трудно не согласиться: ценники, этикетки, надписи постоянно перед глазами, что в результате провоцирует

использование японских существительных.

Встречается также довольно много прилагательных, в основном оценочных: abunai (←危ない), kawaiiso: (←可哀そう), daijo:bu (←大丈夫) и др. Интересно, что такие изначально неоценочные прилагательные, как kurai (←暗い), akarui (←明るい) заимствуются только в переносном, оценочном значении. При этом коннотация слова может измениться. Так например, kawaii (←可愛い) часто используют иронически, с нюансом негативной оценки: «мол, хорошенькая, но глупенькая». Или: yokatta (←よかった), которое «иногда выражает облегчение, а иногда используется саркастически, в ситуациях, когда по-русски мы могли бы сказать «ну, слава Богу!»⁽⁷⁾.

Много междометий: sa-a, so, mo-o, are, ara, otto, а также слов других частей речи, используемых в функции междометий: nani? naruhodo! yoshi! bikkurishita!

Что касается ономатопоэтических слов, опрошенные мною информанты заметили их за собой совсем немного: soro-soro, pika-pika, peta-peta, kira-kira. Кроме этих слов, других наречий мне не встретилось.

Однако есть глаголы и глагольные формы. Например, в разговоре о положительных сторонах японской системы воспитания: «У них всё настолько kimatteiru» (←決まっている), то есть «на всё есть правила, всё оговорено, определено, решено». Из разговора двух русских женщин: «Сейчас infuenza hayatteiru» (←インフルエンザ, 流行る) вместо «Сейчас эпидемия гриппа». Обратите внимание на отсутствие частицы が, то есть перед нами действительно лексическое заимствование, а не переключение языкового кода (code-switching) на отрезке предложения.

Некоторые мои информанты вставляют в русскую речь «заключительные частицы»: ne, yo. Вот забавный фрагмент разговора – две женщины говорят по-русски о названии японских цветов:

- Розанка?

- Сазанка da yo!

В ходе заимствования японское слово может менять свою частеречную принадлежность. Например, японский глагол входит в русскую речь как существительное: «Такая komatta!» (←困った) вместо «проблема, затруднение», а прилагательное используется в наречной функции: Мне mendo:kusai. (←面倒臭い) вм. «Мне лень» или же «Для меня это хлопотно».

(2) Функции заимствований

Классифицировав слова по нескольким признакам, можно сделать вывод о функциях заимствованных слов в языке диаспоры. Так же, как и при обычных иноязычных заимствованиях, их две.

Прежде всего, номинативная функция: человек, живущий в диаспоре, ощущает необходимость назвать нечто, чему в современном русском языке нет соответствующего *одного*

(7) Как и в случае с kawaii, привожу объяснение моей респондентки.

слова, точно подходящего и по смыслу, и по стилистической окраске. Эту функцию выполняют рассмотренные нами выше собственно заимствования, семантические заимствования, слова, которые высокочастотны в японском языке и редки в русском, плюс слова, обозначающие реалии, вошедшие в жизнь русских только в Японии.

Что оказалось особенно важным для процесса заимствования японских слов носителями русского языка в Японии? Все мои информанты указывали на то, что *японское слово удобнее и проще в силу своей краткости*. На мой взгляд, это очень важный фактор японско-русской лексической интерференции. По закону экономии языковых усилий, выбирается «*kyo:dai*» вместо длинного «сестры и братья», «*daiji*» вм. «большое дело», «важное дело». *Machiawase* (←待ち合わせ) используется вместо «договориться (о встрече) и (затем) встретиться», тем более, что в русском нет имени существительного с таким «совмещённым» значением. Русская мама обращается к дочери: «Даша, у тебя есть *tisshyu*?» (←ティッシュ). Думаю, многие используют это краткое слово, замещая им длинное словосочетание «бумажная салфетка», ведь есть ещё и просто «салфетка», то есть салфетка из ткани (ナプキン).

Ещё пример - *ikkodate* (←一戸建て). В речи русских диаспоры это японское слово подменяет собой несколько существующих в русском языке, но не компактных и не вполне определённых по смыслу, «размытых» выражений. Можно сказать «свой дом», «собственный дом», «частный дом», «дом на одну семью» и даже «маленький дом», но русские в Японии часто выбирают краткое и точное по смыслу японское слово. Соответственно, *manshyon* предпочитается труднопроизносимому «многоквартирный дом». Далее... Многие русские женщины, ставшие японскими домохозяйками, говорят *kogomogae* (←衣替え) вместо громоздкого русского эквивалента «смена одежды по сезону». Надо отметить, что в России только у военных существует «переход на зимнюю/летнюю форму одежды» как норма жизни и специальное выражение.

Кроме того на выбор японского слова вместо близкого по смыслу русского может влиять его *стилистическая окрашенность*. Так, в «японскую» русскую речь решительно вошло стилистически нейтральное слово *ibento* (←イベント), потому что его русский эквивалент «мероприятие» звучит довольно официально и не покрывает всех тех многочисленных контекстов, где оно используется в Японии.

Так японские заимствования заполняют ощущаемые носителями русского языка лакуны⁽⁸⁾ в современном русском языке. Интересно, что некоторые из этих лакун осознаются не только в диаспоре: слово «ивент» становится фактом русского языка и в России, хотя не входит пока в словари (загляните в интернет, там много ивентов!).

Однако есть слова, использование которых русскими не так легко объяснить. Например, *gan* вместо названия болезни «рак». Русское слово и кратко, и стилистически нейтрально... Почему

(8) Языковая лакуна – отсутствие в лексике языка одного слова для обозначения того или иного понятия.

несколько информантов, в разных регионах Японии, независимо друг от друга назвали это слово среди заимствованных? Почему у меня самой это японское слово порой вырывается раньше, чем соответствующее русское? Может быть, это своего рода эвфемизм для «страшного» слова?

Вторая функция заимствований - экспрессивно-стилистическая: часто «чужое» слово эмоционально более значимо для говорящего, к тому же им можно «играть». По свидетельству моих информантов, их привлекает звучность японских слов: «Люблю слова Onegai! Gomen!» Им нравятся «энергичные» японские слова: uaragi (← やっぱり) вместо «чего и следовало ожидать», naosara (← なおさら) там, где русский в России сказал бы «тем более!», kanben (← 勘弁) вместо «прошу прощения!». На мой взгляд, в предложении «У них всё настолько kimatteiru» звучание последнего слова действительно хорошо подчёркивает экспрессивный смысл, который хотел передать говорящий.

Кроме того, иногда предпочтение отдаётся японскому слову из-за сравнительной простоты в произношении. Понятно, что обе характеристики (звучность и простота произношения) связаны со спецификой слогового строения японского слова: преобладание открытых слогов, отсутствие стечений согласных. Конечно, aka-chuan предпочтительнее «грудного младенца». А краткое, звучное, простое hima удобнее, чем «Я свободен» или «У меня есть время».

Доказательством наличия экспрессивно-стилистической функции японских слов в русской речи служит большое количество заимствований среди оценочных прилагательных и междометий, а также особые (эмоционально насыщенные) ситуации, в которых они используются. Вот ещё несколько иллюстраций: Atsu! вм. «Горячо!», Itai! вм. «Больно!», а также «Ну, ты sugoi!», «Он такой genki!»

В некоторых случаях японские выражения выступают как своего рода «внутренняя речь», адресованная самому себе: nandakke вм. «как же это сказать?», do:yattakke вм. «как же это делается?» Вот русская мама наизусть читает стихотворение своим детям-билингвам:

Дуют ветры в феврале,
Воют в трубах громко,
Змейкой мчится по земле,
... pantoka... позёмка. (позабыла слово «лёгкая»!)

Некоторые исследователи считают, что у заимствований в диаспоре есть и третья функция - «функция самоутверждения». D. Andrews поясняет ситуацию в США: «Обилие лексических заимствований является способом утверждения – пусть даже на подсознательном уровне – своей языковой компетенции и причастности к новой культуре» [Эндрюс 1997: 27]. Е. А. Земская в свою очередь считает, что заимствования вставляются в речь «для шику» или же они являются проявлением «языковой лени».

Но всё же я не могу согласиться с такой однозначно резкой оценкой и не думаю, что «самоутверждение» стоит выделять как отдельную функцию. Из бесед с моими информантами следует, что многие из них прошли два-три этапа в использовании японских слов в русской речи:

первый: чем меньше знаешь язык, тем больше хочется блеснуть, поэтому иностранные слова вставляются в русскую речь *сознательно*; но это желание ослабевает по мере овладения японским языком;

второй: это фаза досады; русское слово не сразу вспоминается - «Ну, как это по-русски..?» - приходится *по необходимости* использовать японское слово, которое первым пришло на ум; «так проще сказать!» - говорили мои респонденты;

третий: *бессознательное* моментальное использование японского слова или выражения; произносится то, что первым приходит в голову, что буквально вертится на языке.

По примерам и ситуациям, представленным в статье, можно заметить, что вкрапление японских слов в русскую речь происходит обычно в неформальной обстановке: в своём кругу или даже наедине с собой. То есть переключение языкового кода на отрезке слова случается там, где человеку нет нужды особо контролировать себя и свою речь, а также в обстановке эмоциональной напряжённости, взволнованности, когда человек даже и не успевает себя контролировать.

(3) Под воздействием двух языков

Необходимо отметить, что в Японии русскоязычная диаспора находится под активным воздействием не только японского, но и английского языка. Русско-английская интерференция в области лексики провоцируется английскими надписями, наличием японских англоязычных СМИ, общением на английском с представителями других диаспор Японии. Примеры таких заимствований: «билдинг» вм. «здание», «сезон» вм. «время года», «дэдлайн» вм. «конечный срок». При этом в некоторых случаях трудно решить, что является причиной лексической интерференции: воздействие японского языка посредством слов, пишущихся катакана, или непосредственно английского, как например, в случае со словом *пати* (←party? パーティー?). Судя по произношению (первый слог ударный, второй краткий, безударный), это скорее английское заимствование. Надо отметить, что и тут происходит замещение лакуны, ощущаемой, кстати, не только в диаспоре: в России также всё чаще можно услышать странное словечко «пати».

В некоторых случаях происходит вторичное заимствование английского слова с расширением его значения. Например, слово «шоу» начинает использоваться в разговоре о любой телепередаче, хотя в России это слово пока ещё понимается только как «яркое, развлекательное зрелище». Слово «госпиталь» используется вместо обычного «больница»: «там описывается *госпиталь* один, ну это, роддом...»; между тем как в современном русском языке слово «госпиталь» имеет узкое значение «больница для военных». Ещё одно вторичное заимствование с расширением значения – слово «памфлет», которое русские в Японии начали использовать аналогично японскому слову *パンフレット* вместо ранее привычных «буклет» или «маленькая брошюра»; в России же это слово сохраняет первое заимствованное значение: «острая

сатирическая статья или брошюра на злободневную, обычно политическую тему».

(4) Как это звучит?

Что касается фонетического оформления заимствованных японских слов в русской речи, то кажется, что фонетический облик японского слова существенно не меняется: практически нет редукации, сохраняется долгота звуков – *kyo:dai, bi:ru, su:pa:*, хотя и не всегда. Когда я под влиянием английского языка произносила во время интервью *ivento* или *rental-video*, мои собеседники поправляли: *ibento, rentar-bideo*, стремясь придать словам японский фонетический облик.

Более того, под воздействием японского языка ранее заимствованное русское слово может изменить свою фонетическую форму. Вот несколько примеров из речи: «Мэйры пришли!» (←メール) *вм.* мэйлы, то есть электронные письма; «Я ходила в школу волантйров» (←ボランティア) *вм.* «волонтеров»; «Аппо! Ой, алло, мама!»; «И мы поехали в хотер» - здесь смешались ранее заимствованное «отель» и *ホテル*.

Хотя считается, что в диаспоре очень быстро начинает меняться интонация, а затем и произношение, я не заметила никаких значительных отклонений от нормы во время устных интервью с взрослыми. Конечно, это можно объяснить «молодостью» русской диаспоры в Японии: среди моих респондентов только один прожил в Японии на тот момент 27 лет, остальные – 10 лет или немногим больше. Однако главная, на мой взгляд, причина хорошей сохранности языка на фонетическом и интонационном уровне - наличие постоянного общения на русском языке и доступность звучащей информации на нём для современной русской диаспоры.

В поколении «1.5» мною было отмечено неправильное произношение русского [y]: без огубления, подобно японскому [う]. Однако всё, что касается фонетического оформления японских заимствований и других проявлений интерференции на фонетическом и интонационном уровне, требует дальнейших наблюдений.

4. Что происходит с системами склонения и спряжения?

(1) Число и род

Естественно, я не обнаружила признаков утраты множественного числа, что можно было бы предположить, учитывая особенность японского языка и системную слабость этого участка в русском языке. Однако это было бы слишком смелое предположение для сравнительно молодой диаспоры. Стоит также добавить, что в самой России сейчас идёт прямо противоположный процесс: позиции *мн. ч.* усиливаются за счёт слов, бывших ранее *Singularia tantum*: ныне становится возможным говорить **бизнесы, информации, риски**.

Но японские заимствования действительно осмысляются порой как *Singularia tantum*: «В *комбини* кроме *манги* нету ничего», «Обожаю *аниме*, а вот *мангу* пока не особо читаю» (другими словами: «В **круглосуточных магазинах** кроме **комиксов** нет других книг», «Обожаю японские

мультфильмы, а вот комиксы пока не особо читаю», то есть в норме для русского языка во всех этих случаях – множ. ч.). Однако эти заимствования точно так же принято использовать и в метрополии. А такие слова, как *kanji*, *kaki*, *tomiji* осмысляются иногда как множ. ч. и соответственно склоняются: «Этих *как* мне будет достаточно» (речь шла о том, сколько штук хурмы надо купить), а иногда как ед. ч.: «Пока меня не было 2 месяца, сгорело моё *tomiji*».

Такой же разницей и с категорией рода: мои информанты по-разному определяли родовую принадлежность заимствованных слов. «Купил в близлежащем *potiua*»/в близлежащей *potiua* (←飲み屋) – для одного это муж. род, ибо «бар», для другого это жен. род., аналогично русскому слову с окончанием -а (-я).

(2) Падежное склонение

Как вы уже заметили по приведённым выше примерам, японские заимствования в речи русской диаспоры свободно соединяются с русскими полнозначными и служебными словами в словосочетания и предложения. Вот ещё несколько образцов: полный *yariho:dai*, такой *tanoshimi*, встретимся *na uketsuke*, *no terebi* говорили, что... .

В целом система русского падежного склонения проявляет себя по-разному. С одной стороны, некоторые русские склоняют все заимствования (и чем ниже уровень общей образованности человека, тем больше склоняют): «Я уже много *кандзей* знаю», «Ездили любоваться *момидзями*», «Мешки для мусора продаются в *комбиниях*», «Это такая же глупость, как то, что каждый японец играет на *сямисене* и фехтует *катанами*». Но, с другой стороны, некоторые представители диаспоры последовательно НЕ склоняют японские слова и даже перестают склонять то, что склонять надо: «Они купили дом во *Флорида*», при том, что раньше тот же человек говорил по-русски так, как принято в России: «во *Флориде*».

Однако это крайности. Большинство русских склоняет японские слова, но с теми же ограничениями, что и в «академическом» русском: не склоняются слова, оканчивающиеся на -o (*burando* ←ブランド), -e (*mise* ←店), -y (*ge:mu* ←ゲーム). Однако есть примеры, демонстрирующие непоследовательность в склонении: «Подробную карту *Ниигаты-кен* (←新潟県) где можно посмотреть?»

Что же касается русской речи без иноязычных вкраплений, то у «русских японцев» встречаются те же ошибки, что и в метрополии, как результат дальнейшего расшатывания русской падежной системы (тенденция к аналитизму в русском языке).

(3) Глагольное спряжение

Увы, не могу сообщить ничего интересного! В Японии, как и в других диаспорах, система русского спряжения не претерпевает изменений, и, конечно, никто пока не спрягает японские глаголы. Причиной устойчивости системы глагольного спряжения к воздействию чужих языков исследователи считают семантическую мотивированность форм спряжения. В целом же слабым звеном языковой системы обычно является то, что семантически не мотивировано или мало

мотивировано.

5. Прямой перевод (калькирование)

Исследованиями в разных странах установлено, что кальки проникают в речь практически всех представителей любых диаспор, включая и строгих пуристов, постоянно следящих за чистотой своего языка, так как в отличие от использования иноязычной лексики это явление трудно контролировать. Считается, что калькирование - один из самых активных видов иноязычного влияния. При этом некоторые видят в кальках средство обогащения языка, а вот строгая Е. А. Земская оценила их следующим образом: «тайный враг, угрожающий родному языку». Проиллюстрирую потенциальную опасность калькирования забавным примером.

Собираюсь идти к русской женщине, живущей неподалёку. Телефонный разговор перед выходом, в конце которого слышу: «Будьте осторожны!» Иду в недоумении: она думала, что я поеду на велосипеде? неужели она принимает меня за древнюю старушку? или просто привыкла напутствовать таким образом своих детей? Через 10 минут при встрече выяснилось, что это было обычное японское *気を付けてください*. Как видите, кальки действительно могут привести к сбою в коммуникации!

(1) Какие типы калек мне встретились?

а) фразеологические:

«Спасибо, что вы нашли время встретиться со мной» (←お忙しい中お時間をいただきありがとうございます) - говорит сын родителям, которые приехали в Токио с единственной целью – повидаться с ним. «Извините, если не смогла быть вам полезной» (←お役に立てなくて申し訳ありませんでした), - сказала русская женщина, которая значительно помогла мне. И другие подобные. То, что это именно кальки, а не просто вежливые русские фразы, подтверждают ситуации использования, в которых русский человек в метрополии выразился бы иначе. К фразеологическим калькам я отношу не только формулы речевого этикета, но и устойчивые выражения, как например: «Я понял это, когда началось счастье» (←... 幸せが始まったとき).

б) семантические:

Студа относится, например, расширение семантического объёма слова «магазин»: по аналогии с 店 русские японской диаспоры начинают использовать это слово там, где в России сказали бы по-разному - «ресторан», «мастерская», «парикмахерская», «видеопрокат». Под влиянием японского 夜 русское слово «ночь» используется там, где надо бы по-русски сказать «вечер». Преподаватели и студенты говорят «курс», «класс» вместо «урок» или «занятие»; безусловно, это калька с английского, но появившаяся под влиянием жизни в Японии.

в) синтаксические:

Таких калек много, и в большинстве случаев ошибки такого рода делают представители поколения «1.5», приехавшие в Японию детьми, учившиеся здесь: «взят хорошую оценку» (←い

い成績をとった) в м. «получил оценку»; «сделают ребёнка» (←子供を作る) в м. «у них родится ребёнок»; «он занимается арбайто» (←アルバイトをする) в м. «подрабатывает»; «открытый вход» (←開放) в м. «вход свободный, бесплатный»; «прочитал письмо наискосоку» (←斜め読みする) в м. «глянул одним глазом», «просмотрел»; «открыть дырочку» (←穴を開ける) в м. «проколоть дырочку» и т.д.

В языке русскоязычных диаспор других стран калькирование сводится в основном к расширению семантического объёма слова и к изменению сочетаемости слов. По мнению М. Я. Гловинской, наибольшее число ошибок наблюдается в глагольной сочетаемости. Думается, что своеобразными чертами языка русской диаспоры в Японии, которые отличают её от русских диаспор в других странах, являются: а) достаточно большое количество фразеологических калек, что можно объяснить особой значимостью и разработанностью категории вежливости в японском языке, б) пока довольно небольшое число обнаруженных семантических калек.

(2) Почему и как происходит калькирование?

Безусловно, в синтаксических кальках такого типа, как «Время нормально?» в м. «Тебе подходит это время?», «Смородина готова» в м. «созрела», «повинны» высокочастотные в японской речи полузнаменательные глаголы する, できる, выражение 大丈夫ですか. Вот ещё пример кальки - «Тут недавно я сделада аварию». В данном случае, по-видимому, калькирование вызвано не только активностью вездесущего する, но также и тем, что в русском языке нет подходящего глагола или глагольного словосочетания для ситуации, когда человек заявляет, что именно он стал причиной аварии: «Я устроила(?) аварию» (только один пример в Национальном корпусе русского языка), «Я стала виновницей аварии (звучит ненатурально, к тому же длинно). Здесь также происходит заполнение лакуны в современном русском языке.

Итак, частотность некоторых глаголов японского языка, распространённость и обязательность форм этикета в японской культуре, отсутствие одного, точно подходящего слова в русском языке, могут провоцировать образование и использование калек.

Но могут работать и другие факторы. Мне кажется, что калька «открытый вход» подкрепляется влиянием иероглифа 開 в слове 開放. Услышанная мною от ребёнка калька «открыть место» (←場所を空ける) в м. «освободить место», возможно, спровоцирована одинаковым звучанием слов 開ける (открыть) и 空ける (освободить). Думается, что калька «прочитать наискосоку» связана с наличием в русском языке очень близкого фразеологизма (устойчивого выражения) «прочитать по диагонали». Однако для более основательных выводов о причинах и механизмах калькирования необходимо дальнейшее наблюдение за языком всех поколений диаспоры.

Следует добавить, что некоторые кальки в момент речи чётко осознаются говорящими как близкий к дословному или дословный перевод с японского, но другие совершенно не замечаются и не осознаются. Несколько раз мне пришлось столкнуться с такой последующей реакцией: «Я не

мог/не могла так сказать!»

6. Словообразование

Слабым - в силу его сложности - участком языковой системы некоторые учёные называют словообразовательный механизм русского языка, а конкретно – производные слова с вторичной, интерпретирующей функцией. Действительно, мои респонденты и я сама обратили внимание на то, как редко мы стали использовать уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые являются характерной и яркой особенностью русской разговорной речи (естественно, это наблюдение не относится к матерям с маленькими детьми).

Но с другой стороны, русское словообразование проявляет себя довольно активно: с помощью русских аффиксов в диаспорах разных стран создаются новые слова на основе иностранных корней. Вот пример англо-русского глагола-гибрида: *ланчевать* (←lunch). Свои слова-гибриды с разнообразными суффиксами (реже – префиксами) выросли и на японской почве. Вы, наверно, не очень удивитесь, узнав, что три самые активные производящие основы произошли от 頑張る, 可愛い и 面倒臭い. Эти японские слова вступили в многообразные сочетания с русскими аффиксами, образовав настоящие словообразовательные гнёзда:

頑張る → гамбарить, гамбариться, гамбаримасить, гамбатить и гамбатиться;

可愛い → кавайный, кавайшно, кавайшный, кавайшность, каваяшный, каваяшечка;

面倒臭い → мэндokusайно, мэндokusайный (мэндokusайнее) и даже мэндokusайство.

Почему именно эти слова (причём глагол 頑張る в самых разных своих формах) послужили основой для слов-гибридов? Ответ, думаю, похож на прежние ответы о причинах заимствования или калькирования, данные выше: высокочастотность и многозначность японского слова, невозможность его точного и краткого перевода на русский язык. Действительно, как кратко выразить по-русски значение 困る? «Находиться в затруднительном положении»? «затрудняться»? «испытывать неудобства»? – выход нашёлся в создании слова-гибрида «комáриться» (услышано в регионе Кансай).

В сравнении с языком диаспор США или Германии, русская диаспора Японии создала не так уж много подобных слов. Большею частью эти слова - прилагательные (каракучее вино, брендовские вещи, гайдзинская среда), глаголов среди меньше (каймонить, ханамничать, поханамили), ещё меньше существительных (работает ирассяйкой), образцы наречий единичны (сугойно). По данным предшествующих исследований⁽⁹⁾, среди слов-гибридов в других диаспорах встречается много существительных, на втором месте по количеству – глаголы, значительно меньше прилагательных. Чаще прилагательные входят в русский язык без использования русских суффиксов, то есть пополняют собой группу аналитических несклоняемых прилагательных. Судя по собранным мною материалам, в Японии ситуация

(9) См., например, Земская [Язык русского зарубежья 2001: 71]

пока выглядит несколько иначе: по количеству среди слов-гибридов лидируют именно прилагательные, в них используются разнообразные суффиксы.

Ещё больше увеличивая число прилагательных, большинство моих информантов образует их от наименований своих населённых пунктов или районов: «саппор**ов**ская подружка», «тоям**ский** музей», «тоям**овский** трамвай», «хоккайд**ов**ская жизнь», «роппонг**ов**ское слово». Интересно, что прилагательные, образованные от других, географически далёких японских названий, казались моим собеседникам неестественными или неблагозвучными. Необходимо также отметить, что большинство слов-гибридов можно назвать местными, далеко не все они известны по всей Японии: что-то используется только в Нагоя, что-то в Кансай, что-то в Тояма.

Безусловно, в большинстве случаев слова-гибриды – это шутка, игра словами, игра в слова; эти слова выполняют экспрессивную, а не номинативную функцию. Обычно их образуют люди молодые или же люди, склонные к языковой игре. Думаю, что в диаспоре однозначного отношения к таким словам нет: для некоторых языковых пуристов это порча сразу двух (о, ужас!) языков. Мне же кажется, что игра словами – это проявление языковой рефлексии, хотелось бы найти немного больше таких весёлых слов, как демпё**шки**⁽¹⁰⁾ (вм. квитанции) или чиготн**уться**⁽¹¹⁾ (вм. ошибиться).

7. Порядок слов

Синтаксис считается «проницаемой зоной для прямой интерференции из языка окружения, поскольку многие синтаксические конструкции описываются индивидуальными правилами» [Язык русского зарубежья 2001: 481]. Кроме возможности синтаксических калек, о которых шла речь выше, на синтаксическом уровне под воздействие особенностей японского языка, по-видимому, должен попадать и порядок слов как универсально слабый участок языковой системы. Среди собранных мною образцов речи очевидны нарушения порядка следования частей в устойчивых словосочетаниях: «учиться в Нагоя университете», вм. «в университете Нагоя», «работать в Тоёнака кампусе» вм. «в кампусе Тоёнака» и подобные.

Кроме того можно было бы предположить, что на уровне простого предложения интерференция будет проявляться в стремлении русского глагола в конец предложения по образцу японского порядка слов. И у меня есть косвенное свидетельство этому: на одном из русскоязычных японских форумов женщина жалуется, что в письменной речи она неосознанно ставит русский глагол в конец предложения.

Второе предположение - о перемещении подчинительного союза в конец придаточного предложения. Безусловно, это маловероятно в сложных предложениях в письменной речи, но вот пример из разговора, в котором речь идёт о собаке по имени Чика:

(10) от 伝票 (расписка, квитанция)

(11) от 違ふ (быть неправильным)

- Что-то Чика суп не ест!
- Она вкусенького объелась потому что.

(Ср. возможное в России, но окказиональное: – Почему он это сделал? – Дурак потому что.)

На уровне сложного предложения также вероятна постановка главной его части «Я думаю, ...» после придаточной части; это происходит, по-видимому, по аналогии с японским «... と思います».

Безусловно, при сравнительно свободном порядке слов в русском языке (особенно в его устной разговорной форме) вышеприведённые примеры и рассуждения могут выглядеть весьма уязвимыми для критики. Кроме того, мною получены только единичные примеры подобного рода. Однако диалог о капризной собаке Чике сообщён мне русской женщиной-филологом, которая сама отметила это как ненормальность в своей речи. А конструкции типа «..., я думаю» были замечены мною в моих же мэйлах, при том, что обычно я не имитирую в них разговорный стиль устного общения, стараюсь писать в «письменном стиле». Таким образом, возможная, но пока не доказанная, интерференция на уровне порядка слов требует дополнительной проверки, специального эксперимента.

Некоторые русские жители Японии замечают в своей речи упрощение синтаксической структуры предложения. Вспомните вышеприведённый пример «Время нормально?» вм. более сложных синтаксических конструкций «Тебе подходит это время?» или «Тебя устраивает время?» Одна информантка заметила, что порой перебивает саму себя в подобных случаях: «Ну что это я, как японка, говорю!»

Однако в целом в настоящее время русско-японская интерференция на синтаксическом уровне выражена значительно слабее, чем на уровне лексики, так как ей, по-видимому, препятствует типологическое различие взаимодействующих языков, а также «молодость» диаспоры. К тому же синтаксис, как и вообще грамматика, достаточно устойчивая подсистема языка.

8. Речевое поведение, прагматика

(1) Речевой этикет

В вежливой Японии, безусловно, одной из первых начинает претерпевать изменения категория вежливости. В своей русской речи мои информанты:

- а) стали чаще употреблять все русские этикетные слова, в особенности «простите», «извините»,
- б) используют ситуативно неоправданные и нелогичные в русском дискурсе определения «немного», «чуть-чуть» там, где по-японски было бы необходимо *ちよつと...*,
- в) допускают вкрапление в русскую речь японских этикетных слов в их фамильярном, но кратком и звучном варианте: *gomen, onegai, oyasumi, arigato*;

г) употребляют и другие этикетные слова и выражения: русская женщина, живущая в Японии сравнительно недолго, 4 года, сказала мне: «Я удивилась, многие русские на полном серьёзе говорят Ojamashimasu!»

Практически все информанты отмечали, что в целом их русская речь стала «как-то мягче».

(2) Манера ведения диалога

Постепенно может изменяться и манера ведения диалога. Например, в него начинают входить японские *um*, *ee*, *hai*, *ne*, так называемые «маркёры понимания». Участники диалога на русском языке не только сами используют эти маркёры, но и невольно ждут их от собеседника, хотя в русском языковом поведении они не обязательны⁽¹²⁾. Одна из моих информанток пошутила: «Если у собеседника в телефонном разговоре нет таких реакций, волнуясь: не разъединило ли».

Ещё одно изменение в манере диалога – появление скромного «нет, нет» в ответ на похвалу, иногда вместе с отрицающим жестом. В русском дискурсе такая реакция кажется странной, неадекватной.

Считается, что жесты как невербальная часть коммуникации в диаспоре начинают меняться довольно быстро. Это же отметили все мои информанты: появляются такие несвойственные русской культуре жесты, как подзывающий жест ладонью, при котором пальцы движутся вниз и к себе; мелкие и частые помахивания рукой по горизонтали при прощании (у женщин), прикрывание рта рукой при смехе (замечено у русского подростка), скрещённые пальцы – жест, показывающий неправильный ответ, то есть ぼつ (у студентов и преподавателей).

(3) И другие манеры...

Под влияние японской культуры попадает также манера ведения записей: дата ставится по-японски: год, месяц, число (вместо принятого в России: число, месяц, год); происходит смешение языков при кратких записях, например, в ежедневнике; меняется графика при написании цифр и математических символов, некоторые из которых в двух культурах разнятся. Добавлю здесь же, что способ названия месяцев года тоже меняется: не раз приходилось слышать «первый» вместо января и «шестой» взамен июня.

Необходимо также отметить некоторое изменение в этикете письма как жанра. Заметила по себе и некоторым своим корреспондентам из числа диаспоры: часто письмо (мэйл) на русском языке начинается с нескольких замечаний о погоде, что в принципе несвойственно русскому письму и тем более мэйлу. Порой отсутствие каких бы то ни было упоминаний о погоде и природе уже кажется странным в русских письмах из Москвы или из Франкфурта.

(12) См. посвящённое этой теме исследование: Петрищева Нина, диссертация на соискание докторской степени - “Discourse Functions of Phatic Interjections in the English, Russian and Japanese Languages (with special focus on English)”, 2007, Hokkaido University.

(4) Вкрапления или макаронический дискурс⁽¹³⁾?

Кроме описанных ранее многочисленных лексических заимствований, слов-гибридов, японских формул речевого этикета и маркёров понимания, в диалогической русской речи бессознательно используются также автоматизированные в употреблении японские междометия и частотные слова других частей речи, такие как: Are? Nandakke? Nani? Bikkurishita! Возникает вопрос, не образует ли такое смешение русского и японского языков неприятный макаронический дискурс?

Я бы ответила так: это происходит по-разному у разных членов диаспоры и зависит от многих факторов (срок пребывания вне среды родного, русского, языка; уровень его освоенности до переезда; возраст начала изучения японского языка; общий уровень образованности и др.) Особо я бы выделила сознательную установку, принятую тем или иным носителем русского языка. Не допускают смешения языков специалисты-японисты и те, кто учил японский язык ещё в России. Моя респондентка, прожившая в Японии 27 лет и почти не бывающая в настоящее время в России, объяснила: «Иногда выскакивает японское слово, но всё же стараюсь исправить себя».

Однако молодые японисты, получающие/получившие образование в Японии, по моим наблюдениям, смешивают языки, допуская вкрапления, и не видят в этом ничего зазорного. Те же представители диаспоры, кто учил японский только здесь и не в языковых школах, а в семье, в бытовом общении, «говорят в миксе» (найденный ими же эквивалент термина «макароническая речь»). Предупреждая возражения, хочу добавить, что всё здесь очень индивидуально и изменчиво, так как индивидуальная манера речи (идиолект) зависит от большого числа экстралингвистических факторов. Одна из любительниц «говорить в миксе» написала в анкете: «В последнее время я решила не засорять русский язык».

(5) Как ослабляются и падают языковые барьеры

По каким причинам то или иное японское слово или выражение может первым приходиться в голову и срываться с языка быстрее русского, родного, слова? О некоторых внутренних факторах переключения языкового кода речь шла выше:

- ◎ бóльшая частотность слова в японском языке или в личном лексиконе – shyo:ga вм. «имбирь»;
- ◎ экономия речевых усилий, то есть краткость, лёгкость в произношении – onsen вм. «горячий источник»,
- ◎ культурная непереводимость – onigiri (←おにぎり) ;
- ◎ ситуативная связь, то есть явление или предмет вошли в жизнь говорящего только в

(13) Вкрапления – единичные лексические заимствования в потоке речи, переключение языкового кода на уровне слова или выражения. Макароническая речь – неумеренное, беспорядочное смешение языков, приводящее порой к комическому эффекту, например, уже известный пример из речи хостесс: «Иногда на waiting'e бывает meeting, который проводит tenchik»? Слова-гибриды, подобные tenchik (←店長), также называют макаронизмами.

Японии – ko:sokudo:ro в.м. «скоростная дорога, автострада»;

◎ звуковой и зрительный фон (мы постоянно слышим и видим местные номинации, они вытесняют русские слова даже при пассивном - на уровне восприятия - и слабом владении японским языком).

Что касается внешних факторов смены языкового кода, то все интервью показали: важнейшим условием для этого является конкретная речевая ситуация. Вот очень наглядная иллюстрация: «Если я передаю деньги просто из рук в руки, я скажу «спасибо», если же в конверте или двумя руками, то невольно вылетает «arigato: gozaimasu».

Обычно в социолингвистике выделяют 3 внешних фактора смены языкового кода, которые нашли подтверждение и в моём материале:

1. участники коммуникации («Я говорю японские слова, но только со своими»),
2. обстановка и условия, другими словами, ситуация (русский мальчик-билингв, долго живший в Японии, неожиданно для себя и для мамы перешёл на японский язык, попав в России в супермаркет западного, в том числе японского, образца),
3. тема и предмет разговора (русские женщины, говоря о японских школах своих детей, начинают смешивать языки или даже переходят на японский).

(б) И последнее...

И последнее, что я хочу отметить: в диаспоре неизбежно происходит утрата актуальной языковой динамики. Хотим мы того или нет, но из речи уходит просторечие, в неё не входят или входят медленно новые модные слова и сиюминутные жаргонизмы, замедляется темп речи. Можно гордо сказать – наша речь стала чище (и это действительно так!), но можно и пожалеть об утрате некоторой живости, свежести, естественности языка.

9. Подводя итоги...

Попробуем сделать некоторые выводы о состоянии русского языка и его соотнесённости с ценностными ориентирами и стратегиями языкового поведения в современной русскоязычной диаспоре Японии.

1) Даже при слабом знании японского языка долго живущие в Японии русские подпадают под интерференционное воздействие японского языка в результате влияния звукового и визуального (обилие 口一マ字) фона. Первые результаты интерференции (прежде всего в лексике) замечаются уже через 2-3 года жизни в диаспоре, а после 4 лет - все информанты уверенно говорили об этом - и они, и близкие им в России люди начинали ощущать изменения в их речи и в речевом поведении.

2) Можно ли при этом утверждать, что у нынешних представителей русскоязычной диаспоры Японии есть очевидная деградация русского языка? Рассмотрим признаки аттриции

(деградации), наблюдаемые в других, более старых, насчитывающих уже несколько поколений диаспорах:

- а. обилие лексических заимствований – несомненно, есть в Японии;
- б. прекращение развития и пополнения словарного запаса в русском языке – тоже есть (по самооценке моих респондентов),
- в. калькирование – есть, однако главным образом в поколении «1.5»,
- г. интерференция на синтаксическом уровне – весьма незначительная,
- д. появление фонетического и интонационного акцента – у взрослых мною не отмечено, хотя пока я не смогла поговорить с теми, кто живёт в Японии 30 и более лет.

Таким образом, можно отметить достаточную сохранность русского языка у взрослых представителей русскоязычной диаспоры Японии. Атрицией затронут в основном только лексический уровень и уровень лексической сочетаемости (кальки). Кроме того, обнаружено влияние японского языка и культуры на уровне прагматики: изменения в речевом этикете, в манере ведения диалога, в жестах.

3) Какие факторы способствуют сравнительной сохранности русского языка в современной диаспоре Японии кроме того, что это относительно новая и молодая по возрасту диаспора?

Первый и очень важный – полная доступность русскоязычного общения, включая возможности Skype, и постоянное наличие русскоязычного фона (интернет, книги, DVD, радио, ТВ и проч.). Однако этот фактор «работает» и в других диаспорах, затронутых атрицией в гораздо большей степени.

Второй и не менее важный фактор - здешние русские сознательно выбирают для себя либо антиассимилятивную, либо билингвальную (но не бикультурную!) стратегию языкового поведения. Ассимилятивный тип поведения мне встретился лишь в одном случае и скорее как идеал, а не реальность. Такой дружный выбор отличает русских в Японии от русских диаспор США или Европы. Чем это можно объяснить?

а) Практически для всех моих респондентов русский язык представляет *особую* культурную и личную ценность. Замечу кстати, что жизнь в диаспоре, по моим наблюдениям, обостряет языковую рефлексию и эстетическое отношение к родному языку: это проявлялось в интервью, это чувствуется на русскоязычных «японских» форумах в интернете.

б) За небольшим исключением все не хотят «стать японцами», то есть культурно ассимилироваться. Этому, вероятно, есть две причины. В русской диаспоре при уважении и даже любви к японской культуре сохраняется очень высокая оценка русской культуры, между тем как ассимилятивная стратегия принимается в основном тогда, когда своя культура осознаётся как более низкостатусная. Вторая причина – чёткое осознание невозможности и ненужности ассимиляции, так как ни государство, ни общество не требует этого от живущих здесь иностранцев. Языковая политика японского государства не принуждает и даже не особенно

побуждает к знанию языка и ассимиляции на этой основе, для общества тоже иностранцы навсегда «чужие».

в) Только меньшинство опрошенных прилагает к себе слово «эмигрант», большинство же идентифицирует себя как «гражданин России, постоянно (или временно) живущий в Японии» или просто «русский». Но при этом, замечу, почти у всех есть осознание того, что мы - русские, утратившие бóльшую или меньшую часть своей русскости. «Мы уже kawatteiru, да, девочки!?» - воскликнула одна из женщин в общей беседе.

Третий и очень важный фактор, поддерживающий сохранность русского языка в Японии – типологическое различие русского и японского языков. По мнению Е. А. Земской, проводившей опросы в США, а также в нескольких европейских странах, быстрее всего идёт интерференция русско-английская, русско-французская и русско-немецкая. Она объясняет это сравнительной типологической близостью языков, а также тем, что эти языки ощущаются русскими как престижные.

4) При схожести языковых процессов, идущих в русских диаспорах в разных странах мира, в Японии можно отметить некоторые особенности:

- ✓ выделяется тематическая группа заимствований, связанных с природой,
- ✓ больше фразеологических калек,
- ✓ создаётся меньше слов-гибридов, но среди них много прилагательных. Возможно, есть и другие, пока не замеченные отличия.

С моей точки зрения, японскую русскоязычную диаспору некоторым образом можно сравнить с диаспорами в Тунисе и Китае. Тунисская диаспора так же молода и схожа с японской по составу: бóльшую часть её составляют жёны граждан Туниса. Сходство с русской диаспорой в Китае – по степени сохранности русского языка.

5) Что дальше? Важно было бы уточнить выводы этого исследования, включив в круг анкетированных тех представителей диаспоры, кто прожил в Японии более 30 лет. Пока мне не удалось этого сделать. В рамках отдельного исследования требуется более тщательное наблюдение за языком поколения «1.5», особенно на синтаксическом и фонетико-интонационном уровнях.

И особая, очень актуальная тема – речь детей-билингвов. С лингвистической точки зрения здесь совсем другая проблема: говоря о взрослых и о поколении «1.5» («полупоколение»), мы исследуем вопросы сохранения/изменения, деградации и в некоторых случаях даже угасания языка; говоря о детях, изучаем проблемы его освоения. Однако эти темы тесно связаны между собой. Кроме того, исследование языка «полупоколения» и языка детей, русско-японских билингвов поколений «2.0» и «2.5», может дать важный материал для обучения детей как русскому, так и японскому языку с учётом возможной межъязыковой интерференции.

(カザケーヴィチ・マルガリータ)

Литература

- Вайнрайх У. 1962. Одноязычие и многоязычие. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып.6, М. 25-60.
- Голубева-Монаткина Н.И. 1994. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции. *Филологические науки*, №4, 104 -111.
- Голубева-Монаткина Н.И. 1993. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции. *Русский язык за рубежом*, №2, 100-105.
- Голубева-Монаткина Н.И. 1995. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции. *Русистика сегодня*, №1, 70-92.
- Грановская Л.М. 1995. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М. Жданова В.В. 2004. Русский язык диаспоры: идентификационные стратегии иммигрантов-билингвов. *Русский язык за рубежом*, №3, 88-94.
- Караулов Ю.Н. 1992. О языке русского зарубежья. *Вопросы языкознания*, №6, 5-18.
- Никипорец-Такигава Г.Ю. 2009. Язык русской диаспоры в Японии. *Вопросы языкознания*, №1, 50-63.
- Никитина С.Е. 1998. Языковое самосознание молокан и старообрядцев США: судьбы русского языка. *Русистика сегодня*, №1/2, 62-71.
- Русский язык зарубежья 2010. *Русский язык зарубежья* / отв. ред. Е.В. Красильникова. М.
- Оглезнева Е.А. 2004. Русский язык зарубежья: восточная ветвь. *Известия АН. Серия литературы и языка*, том 63, №2, 42-52.
- Осипова М.А. 2002. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М. 483-510.
- Протасова Е.Ю. 1996. Особенности русского языка у живущих в Германии. *Русистика сегодня*, №1, 51-71.
- Проценко Е.А. 2004. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике. *Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, №1, 123-127.
- Пфандль Х. 1994. Русский язык в современной эмиграции. *Русская речь*, №3, 70-74.
- Пфандль Х. 1994. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений. *Русский язык за рубежом*, №5-6, 101-108.
- Трабелси Х., Панова М. 2007. Русскоговорящая диаспора Туниса : социально-лингвистический портрет. *Азия и Африка сегодня*, №4, 35-38.
- Усуяма Т. 2009. К вопросу о сохранении русского языка и культуры русскими в Австралии. *Japanese Association of Slavic Humanities, Slaviana* 1(23), 121-140.
- Эндрюс Д.Р. 1997. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США. *Славяноведение*, №2, 18-30.
- Язык русского зарубежья 2001. *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты* / отв. ред. Е.А. Земская. Москва-Вена.
- Polinsky M. 1998. American Russian: A New Pidgin. *Московский лингвистический журнал*, №4, 78-138.

要旨

日本におけるロシア語話者ディアスポラのロシア語

カザケーヴィチ・マルガリータ

本稿は、日本のロシア語話者ディアスポラにおける現在の言語状況についての研究の第一部である。本研究の目的は、日本の長期定住者である大人や3歳から18歳までの子どもを連れて来ている人々のロシア語に何が起きているかを理解することである。さらに、ロシア人家庭や日本人とロシア人の家庭に日本で生まれた子どもたちが、ロシア語をいかに獲得していくかを追跡調査する研究に発展させるつもりである。本稿においては、様々な国におけるロシア人ディアスポラの言語研究の歴史を手短かに述べ、その後、日本にいる大人を対象にインタビューとアンケートを実施して集めた資料を、言語レベルごとに分析する。

語彙については、著者は、日本語からロシア語への借用語の機能と言語切り替え（code-switching）の条件を確かめ、また、借用語の動詞の活用と名詞類の格変化のカテゴリーがいかに「働いているか」を検討する。語形成についていえば、日本語の語根にロシア語の接辞を結び付けた結果生じる混種語に、著者は主たる注意を払っている。翻訳借用（直訳）は、ディアスポラの母語の保持を脅かす主要な要因の一つであり、「日本の」ロシア人の発話にも翻訳借用語がみられる。本稿で著者は、日本におけるロシア人の発話に特有の翻訳借用語のタイプと、その出現を誘発する要因の確かめも試みる。シンタクスに関しては、シンタクスも環境言語からの直接の干渉となりうる領域と考えられるが、集めた資料では目下のところ一定の結論を導き出すには不十分である。本稿の最後の部分では、日本にいるロシア人の発話における行動様式（ことばのエチケット、対話の導入方法、その他の言語使用の要素）を観察し、章を割いている。

著者が考える結論は次のとおりである：1) 日本語についての知識が乏しい場合でさえ、日本の長期定住者であるロシア人は日本語による干渉の影響を受けている。2) 大人はロシア語を十分に保持していると指摘できる。なぜならば、基本的に喪失がみられるのは、語彙レベルと語彙結合のレベル（翻訳借用語）、さらに言語使用のレベルのみである。日本におけるロシア語の状態と他の国々での状況を比較し、著者は、日本においてロシア語が比較的保持される状態を促進する要因を挙げ、日本で進行している言語プロセスのいくつかの特色を指摘する。